

УДК 15.99.233
ББК 88.37

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ШКОЛЬНИКОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

И.Н. Сербай

В статье на основе результатов социологического опроса осуществляется анализ влияния территориальной принадлежности школьников на характеристики социального здоровья. Рассматриваются три типа территорий: город с населением более 100 тысяч человек, город с населением менее 100 тысяч человек и поселок городского типа (п. г. т.), село.

Ключевые слова: социальное здоровье школьников, город с населением более 100 тысяч человек, город с населением менее 100 тысяч человек, поселок городского типа, село.

Здоровье детей и подростков является проблемой первоочередной важности в любом обществе и при любых социально-экономических и политических ситуациях, поскольку именно этим определяется будущее страны, генофонд нации и потенциал общества в целом. Социальный аспект индивидуального здоровья, влияя на его физическую, психическую и духовную составляющие, совместно с ними выполняет функцию адаптации индивида к среде. Реализация этой функции обеспечивается через способность индивида формировать и поддерживать социальные связи и отношения, актуализировать и конвертировать заложенные в них капиталы и ресурсы. Социальный аспект здоровья, в сравнении с физическим и психическим, в большей мере способствует активной адаптации, неся в себя богатый преобразовательный потенциал. При этом часть его параметров в полной мере может быть актуализирована только во взрослой жизни, по мере принятия индивидом «взрослых» ролей. Но его основа закладывается с детства.

Роль школы в формировании социальных характеристик индивида всегда была велика.

Но в современных российских условиях, в силу кризисного состояния института семьи, снижения ее воспитательного потенциала, роль школы в этом аспекте существенно возросла. Серьезные трансформации, происходящие в российском обществе за последние 20 лет, не позволили большей части взрослого населения сформировать социально-эффективные поведенческие паттерны, которые могли бы быть переданы детям в процессе воспитания. Поэтому воспитание социально-эффективной и востребованной обществом личности во многом ложится на институт образования и в первую очередь на школу. Ведь, как отмечает руководитель рабочей группы РАО по разработке новых образовательных стандартов А. Кондаков, главная цель образования – это воспитание образованного, социально ответственного, культурного, здорового и успешного гражданина России [1].

Проблема заключается также в том, что, несмотря на априорную значимость параметров социальной инклюзии человека, общепризнанность комплексной природы феномена здоровья, включающего в себя социальную составляющую, на дескриптивном уровне, в частности в школьных программах здоровьесбережения, социальный аспект выступает в лучшем случае в виде условий и факторов внешней среды, обеспечивающих физическое

и психическое здоровье школьников. Но отнюдь не в качестве характеристики человека, как те же самые физический и психический аспекты.

Социальное здоровье школьников характеризует сформированность личностных характеристик, обуславливающих их социальную эффективность и востребованность в настоящем и будущем. Социальное здоровье предполагает, с одной стороны, социальную *адаптированность*, выражающуюся в желании и способности личности соблюдать общепринятые ценности, нормы, воспроизводить традиционные социальные практики. Но в то же время в определенной мере и противостоять обществу, что является неперенным условием достижения когерентности между индивидуальным и общественным интересом, и фактором социального развития. Речь идет о готовности личности легитимными способами противостоять всему тому, что мешает ее *самореализации* (согласно гуманистической парадигме – это естественно присущий каждому человеку императив). Такого рода «противостояние» находит свое выражение в деятельности, направленной на изменение окружающего мира, *в социальном творчестве*. Но социальное творчество сопряжено с социальными изменениями разной степени глубины. И «предохранителем» от возможно негативных социальных следствий этих изменений служит осознание человеком его *социальной ответственности*, или даже шире – *социальной миссии*, которая, в общем-то, и обуславливает социально-ориентированную, направленную «вовне» деятельность [2, с. 55].

Таким образом, перед нами предстает четырехкомпонентная модель социального здоровья, где социальная адаптация, как способность личности воспроизводить устоявшиеся социальные практики без качественных личностных или социальных изменений, представляет собой базовый уровень социального здоровья: дезадаптант по определению не может быть социально эффективен, а его деятельность – социально значимой и востребованной. Социальная самореализация, социальное творчество и социальная миссия представляют собой постадаптивный тип социального здоровья, характеризующий полноценную легитимную возможность достижения челове-

ком социальной эффективности и социальной значимости. Постадаптивные характеристики также являются механизмами социальной адаптации, но до тех пор, пока не приобретают самостоятельную ценность.

Опираясь на такое понимание социального здоровья, мы выделили сферы: а) *актуальных* и б) *потенциальных* социальных взаимодействий, обеспечивающие в настоящем и /или в будущем социальную эффективность и востребованность нынешних школьников. Это сферы: а) межличностных (взаимодействие субъектов социального пространства школы), б) гражданских (самоорганизация и самоуправление) и политических (потенциал участия в политическом управлении) отношений [3, с. 73].

С целью осуществления диагностики социального здоровья школьников Белгородской области нами было проведено социологическое исследование методом анкетирования (2010 г., $N = 700$). В качестве параметров выборочной совокупности объектов исследования социального здоровья выступили пол, возраст и место жительства школьников. Рассматриваемый в статье территориальный параметр включил в себя три типа территорий: а) город с населением более 100 тыс. чел. (средний город); б) город с населением менее 100 тыс. чел. (малый город) и поселок городского типа (п. г. т); в) село.

Объектом исследования выступили школьники 8–11 классов. Выбор данной категории обусловлен тем, что именно показатели социального здоровья старшеклассников являются результирующей всего образовательного процесса в аспекте формирования личностных характеристик, обеспечивающих их социальную эффективность и социальную востребованность.

Анализ актуального состояния социального здоровья школьников мы ограничили школьным контекстом, где оно рассматривается: а) как опосредованное характеристиками социального взаимодействия, в качестве контрагентов которого выступают одноклассники, классный руководитель и другие учителя, школьный психолог, социальный педагог, руководство школы; б) как результат школьной политики. Таким образом, в качестве основных показателей социального здоровья

школьников нами анализировалась актуальная и потенциальная значимость для старшеклассников различных типов социальных отношений, а также оценка существующих отношений в рамках социального пространства школы с позиции формирования социально-здоровых личностных характеристик.

С целью определения территориальной специфики характеристик социального здоровья нами были выявлены и проанализированы те из параметров социального здоровья, в которых наблюдается наибольшее расхождение по указанному признаку.

Сразу же обратим внимание на то, что в целом территориальной специфики в оценках социального самочувствия, выявляемого посредством субъективных оценок собственной востребованности в школе, мы не обнаружили. Для нас этот момент является важным, поскольку по другим показателям, отражающим социальную эффективность и востребованность школьников, заметна существенная территориальная специфика.

По отношению к оценкам существующих отношений значимые территориальные различия мы регистрируем начиная с отношений внутри класса. Наиболее высокий индекс¹ оценки дружности класса (64,2) соответствует ответам сельских школьников. Аналогичный индекс в городе с населением более 100 тыс. чел., как и в городе с населением менее 100 тыс. чел. и п. г. т., равен 58,9. Сельские школьники более высоко оценивают свои отношения с одноклассниками. Позитивно их оценивают в целом 72,6 % респондентов («очень хорошими» – 18,8 % и «хорошими» – 53,8 %). Среди респондентов из средних городов позитивно оценивают эти отношения в целом 67,2 % (как «очень хорошие» – 9,7 %, «хорошие» – 57,5 %); среди респондентов малых городов и п. г. т. таковых 65,3 % (как «очень хорошие» – 17,4 %, «хорошие» – 47,9 %). Среди сельских школьников меньше «средних» оценок отношений с одноклассниками (23,1 %), в средних городах, малых городах и п. г. т. – 30,1 % и 32,5 %). Значения отрицательных оценок везде не превышают 2 %.

В более широком контексте внутришкольных отношений, оцениваемых по параметру установок на взаимопомощь, у уча-

щихся, проживающих в селе, также самые высокие значения. 44,4 % респондентов из их числа считают, что *каждый ученик* в их классе в трудную минуту может рассчитывать на помощь одноклассников. В среднем городе, а также в малом городе и п. г. т. аналогичным образом ответили 36,3 % и 33,0 % соответственно. О том, что они сами в трудную минуту могут рассчитывать на помощь одноклассников, прежде всего отмечают сельские школьники (35,5 %). В среднем городе, а также в малом городе и п. г. т. с этим согласились 27,4 % и 30,5 % респондентов соответственно.

При опросе сельских школьников самыми высокими оказались значения индекса возможности обращения к школьному психологу (34,0), в среднем городе, малом городе и п. г. т. соответствующие значения равны 31,4 и 25,2; к социальному педагогу – 15,4 против 8,9 и 10,2 в среднем городе, малом городе и п. г. т.). Значения индексов возможности обращения за помощью к завучу (21,8) и директору (20,1) среди сельских школьников почти в два раза выше, чем у жителей средних и малых городов и п. г. т. В среднем городе они равны 12,85 и 10,15, а в малом городе и п. г. т. – 14,3 и 10,7 соответственно.

Представленные данные позволяют судить о том, что удовлетворенность отношениями в классе, установки на взаимопомощь, ожидание помощи со стороны различных социальных субъектов школы у сельских старшеклассников более выражены, чем у представителей средних и малых городов и п. г. т. Такие результаты можно объяснить изначально более высоким уровнем доверия у жителей села к специалистам, малочисленностью сельских школ, а следовательно, более высокой возможностью контактов между различными субъектами их социального пространства и в целом меньшей степенью атомизированности сельских жителей.

Среди причин, мешающих раскрыть себя в отношениях с учителями и администрацией школы, иерархия проблем у респондентов различных типов поселений в целом выглядит сходным образом – на передний план выходят проблемы незнания того, как это сделать (в среднем 56 %), и нежелания это делать (в среднем 47 %). Но другие проблемные ас-

пекты имеют разную выраженность. Так, о недостатке времени в качестве причины сообщают в большей мере жители села (42,3 %), малых городов и п. г. т. (44,0 %): среди респондентов средних городов таковых 33,6 %. Жители средних городов меньше других говорят о тех или иных коммуникативных проблемах (непонимание окружающих, конфликтность, неумение строить отношения, договариваться), тогда как в большей мере на этом ставят акцент сельские старшеклассники.

Среди причин, мешающих раскрыть себя в отношениях с одноклассниками, как и с учителями и администрацией, во всех группах более всего отмечается недостаток времени (в среднем 41 %); большинство других проблемных моментов оценивается представителями различных типов территорий примерно одинаково. Исключение составляют параметры «собственная необщительность, конфликтность», о которой сообщают 30,3 % сельских респондентов (среди респондентов городов и п. г. т. так считают 24–26 %); «недостаточно активная жизненная позиция», о которой сообщают 25,6 % сельских респондентов (против в среднем 15 % аналогичных ответов респондентов других типов территорий), и «нежелание это делать» – 33,8 % (против в среднем 23 % аналогичных ответов старшеклассников других типов территорий). Повидимому, в отношении последних двух параметров второе (нежелание это делать) является следствием первого (недостаточно активной жизненной позиции).

Отметим, что у сельских школьников, в сравнении с городскими и жителями п. г. т., превалирует отношенческая интерпретация проблемных вопросов, что, возможно, и является отчасти объяснением более высоких показателей взаимодействий в рамках социального пространства сельских школ. Но превалирует она в основном в «вертикальном срезе» иерархических отношений. В горизонтальных социальных связях отношенческий аспект выражен меньше. Это наводит на предположение, что в современной школе «вертикальные отношения» являются определяющими для социального самочувствия школьников.

Относительно степени учета мнения школьников при принятии решений различными акторами социального пространства шко-

лы выявлены следующие особенности. Наиболее высокие показатели учета мнения респондентов:

- классный руководитель – у представителей среднего города (индекс учета их мнения равен 56,6, тогда как в селе – 51,9, в малом городе и п. г. т. – 44,3);
- завуч – в селе (индекс учета их мнения равен 27,4, тогда как в среднем городе – 21,3, малом городе и п. г. т. – 20,1);
- директор – в селе (индекс учета их мнения равен 26,8, тогда как в среднем городе – 18,85, малом городе и п. г. т. – 17,7).

Как видно из представленных данных, по большинству показателей наиболее высокие значения учета мнения респондентов выявлены в селе. Конечно, это может быть и результатом субъективного характера оценок, детерминированных в целом более высокой степенью удовлетворенности отношениями. Это предполагает одновременно более низкий уровень притязаний сельских школьников в этом аспекте взаимодействия. Все же мы склоняемся к мнению, что такие результаты связаны с более выраженными у сельских школьников отношениями «вертикального» типа.

Наиболее высоко навыки эффективного общения, формируемые школой, оценивают жители села и средних городов (соответствующие индексы равны 68,0 и 63,4), что в первом случае противоречит ранее данным ответам о том, что именно это лежит в основе причин, мешающих сельским респондентам раскрыть себя в школе. Навыки организации совместной работы (класса, группы) для решения каких-либо задач наиболее высоко оценивают респонденты, проживающие в среднем городе (индекс 64,2); у респондентов, проживающих в малом городе и п. г. т., и сельских респондентов – 55,6 и 57,9 соответственно).

Более высокие оценки сельскими школьниками и школьниками средних городов обученности способам демократического участия в управлении школой (индекс равен 40,5) можно объяснить в первом случае более развитыми вертикальными связями в рамках социального пространства сельских школ, во втором – более активной жизненной позицией учащихся (в малом городе и п. г. т. аналогичный индекс 34,8). Предположительно с этим может быть сопряжено то, что школьники сел

и средних городов больше, чем представители малых городов и п. г. т. указывают на то, что в школе их обучили навыкам отстаивания своих или групповых интересов (соответствующие индексы здесь равны 65,1, 67,0, и 63,5).

Таким образом, можно констатировать, что в школах различных типов поселений в разной степени формируются навыки, обеспечивающие социальное здоровье учащихся.

Относительно потенциала социального здоровья, выявленного с помощью вопросов о готовности школьников в будущем участвовать в политической жизни страны, в различных формах самоорганизации и самодеятельности граждан, исследование показало следующее. Школьники практически в равно минимальной мере высказывают желание участвовать в политической жизни страны (в среднем 16 %). Школьники средних городов это объясняют преимущественно тем, что «не знают, что это такое, и не хотят этого делать» (17,7 %). В малых городах, п. г. т. и в селе так считают 10,8 % и 7,3 % респондентов. Наибольшее число сельских респондентов, а также малых городов и п. г. т. сообщают: «Да, хочу, но не знаю, как это сделать» (28,2 % и 26,5 % против 23 % в средних городах). Более всего, почти треть, затруднившихся ответить на этот вопрос – сельские респонденты (против 20–23 % аналогичных ответов в других типах поселений).

Что касается потенциала гражданской активности, выявленного посредством вопроса-индикатора: «Считаете ли Вы эффективным средством влияния на ситуацию, решения личных, общественных проблем?...» (перечисляются различные формы гражданской активности), то следует отметить, что:

- респонденты средних городов к наиболее эффективным средствам гражданской активности относят общественное обсуждение законов (так считают 28,3 % из их числа, тогда как в малых городах и п. г. т. об этом сообщают 24,2 %, в селе – 19,2 %); обращение в СМИ (23,9 % против 19,1 % – в малом городе и 16,7 % – в селе); индивидуальные обращения в органы власти (в среднем городе – 22,5 %, в селе – 16,2 %);
- учащиеся из малых городов и п. г. т., как и учащиеся средних городов, к наиболее

эффективным формам активности относят индивидуальные обращения в органы власти (17,4 %), хотя значения эффективности здесь уже несколько ниже, чем у первых. Кроме того, в качестве эффективной формы они отмечают участие в территориальном общественном самоуправлении (22,5 %, в среднем городе – 15,0 %, в селе – 19,2 %).

- сельские старшеклассники относят к числу эффективных для решения проблем только одну форму гражданской активности – участие в забастовках (21,8 %; в среднем городе таких 12,4 %; в малом городе и п. г. т. – 15,7 %).

Эти данные позволяют предполагать несколько более высокую готовность к участию в политической и гражданской жизни у школьников городов и п. г. т., причем более созидательного, чем разрушительного характера по сравнению с сельскими школьниками. Об этом свидетельствует и большее число форм, которые называют школьники городов и п. г. т., и более высокие значения оценок их эффективности. Относительно сельских школьников можно предположить существование конфликтного противоречия (в латентном виде), связанного с высокой значимостью для них вертикальных связей и отношений, с одной стороны, и ориентацией на агрессивные формы отстаивания интересов, которые подразумевают противостояние в рамках «вертикальных» отношений, с другой стороны.

Интересным является тот факт, что ответы сельских школьников которые показывают самые высокие значения участия в управлении школой, учета их мнения, желания участвовать в политической жизни и т. п., одновременно с этим указывают на более низкие показатели готовности к гражданской и политической активности. По нашему мнению, противоречивость в ответах сельских школьников связана с более выраженной традиционностью в их структуре отношений с различными социальными субъектами и «внешней» лояльностью к вертикальным отношениям.

В пользу этой версии свидетельствует и тот факт, что более высокие показатели по всем параметрам участия в школьной жизни и влияния на нее у сельских школьников никак не отражаются на их субъективном ощущении вос-

требованности и нужности, о чем говорилось выше и что вряд ли возможно. Предположительно «правилами приличия» у сельских школьников обусловлены и более позитивные оценки горизонтальных отношений.

Относительно более негативных оценок старшеклассников других типов территорий по показателям «вертикального» взаимодействия можно предполагать, что это во многом обуславливает актуализацию их гражданской и политической активности в перспективе.

В целом же анализ специфики социального здоровья школьников в территориальном срезе позволяет сделать выводы о том, что основной водораздел между ними проходит по следующим параметрам: удовлетворенность отношениями в классе, установки школьников на взаимопомощь и ожидание помощи со стороны различных субъектов социального пространства школы, оценки учета их мнения при принятии решений на различных уровнях школьной организации, а также готовность к гражданской и политической активности в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Во всех случаях, кроме оговоренных специально, индекс рассчитывался как сумма произведений значений ответов на каждый из вариантов вопросов, где варианту ответа с максимальной выраженностью исследуемого признака присваивался коэффициент 1, со средней – 0,5; отражающему отсутствие признака или минимальную степень его выраженности – 0.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранович, М. Нестандарт / М. Агранович // Российская газета. – 2011. – 3 февр. (№ 22 (5398)).
2. Колпина, Л. В. Социальное здоровье: нормативная модель и реальность / Л. В. Колпина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 3. – С. 53–59.
3. Колпина, Л. В. Социальное здоровье личности в учреждениях общего и начального профессионального образования: региональный аспект / Л. В. Колпина // Социология образования. – 2009. – № 3. – С. 72–81.

EMPIRICAL ANALYSIS OF TERRITORIAL DETERMINANCY OF SOCIAL HEALTH OF BELGOROD REGION'S SCHOOL CHILDREN

I.N. Serbay

The empirical analysis of the influence of schoolchildren's statement of venue on characteristics of social health is undertaken in the article. Three types of territories are taken into consideration: a town with the population of more than 100, 000 people, a town with the population of less than 100, 000 thousand people and an urban-type settlement, a big village.

Key words: *schoolchildren's social health, a town with the population of more than 100, 000 people, a city with the population of less than 100, 000 people, an urban-type settlement, a big village.*